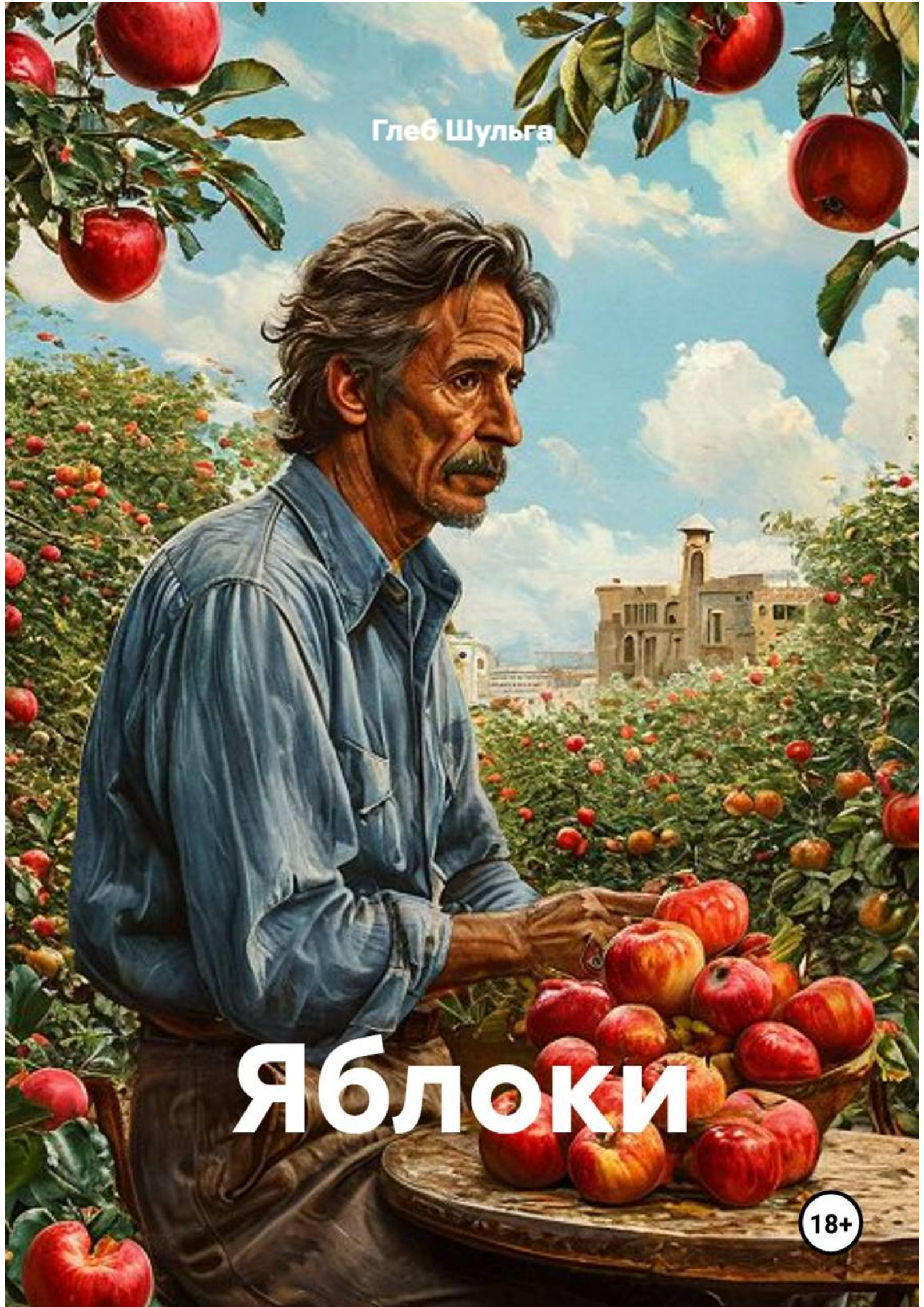

A detailed oil painting of a middle-aged man with grey hair and a mustache, wearing a blue button-down shirt and dark trousers. He is standing in a lush orchard, looking off to the side. In the foreground, a wooden basket is overflowing with ripe red apples. The orchard is filled with trees bearing many red apples. In the background, a large, light-colored building with a central tower and arched windows is visible under a bright blue sky with scattered white clouds. The overall style is realistic with a focus on naturalistic detail and color.

Глеб Шульга

Яблоки

18+

Глеб Шульга

Яблоки

«Автор»

2026

Шульга Г.

Яблоки / Г. Шульга — «Автор», 2026

Аргентина. 1979 год. Из устоявшейся и вымеренной жизни университетского преподавателя литературы внезапно пропадает вкус яблок. Поиск разгадки этого исчезновения в его педантичной и одержимой порядком голове быстро перерастает в манию, ставит под угрозу помимо привычного уклада его репутацию, здоровье, работу, давая взамен лишь редкие, документальной точности сны о давно забытом детстве. Укрепившись в подозрениях насчёт взаимосвязи бесцветных яблок и красочных снов, при этом истончившись во всём остальном, герой едет в далёкий загородный дом, намереваясь найти ответы и ими эту историю покончить. И находит больше, чем мог ожидать.

© Шульга Г., 2026

© Автор, 2026

Глеб Шульга

Яблоки

Яблоки

Хрум - шире. Хрум- шире. Хрум - шире. Это было похоже на какой-то бессмысленный антропоморфный механизм. Неторопливо и издевательски тщательно, словно пытаюсь обратить мякоть в пюре из фундаментальных частиц, я смотрю в расширяющиеся с каждым сокращением моей челюсти глаза уличного торговца в терпеливом ожидании что они в конце концов выпадут из орбит.

Не случилось. Не случилось и завершиться моим поискам... уже месяц, чёрт бы его взял, как не случилось. Когда всё это началось глаза продавцов смотрели на меня с раздражением (которое, впрочем, исчезало довольно быстро, не вынося смущённого ответа в моём взгляде). Но вот время, взяв под руку слухи, прошло, совершив неторопливую, невыносимую для меня рокировку: теперь уже я смотрел с раздражением, сперва встречая смущение, позже - сочувствие, а последние несколько дней - жалость, заставлявшую меня прилагать все усилия, чтобы не учинить здесь истерики или скандала. Нельзя. Такое "выступление" окончательно похоронит мою безупречную до недавних пор репутацию. И всё из-за такой мелочи... Но, как водится, именно Давиды повергают Голиафов. К слову - есть в этой истории кое-что библейское: и тут всё самое интересное началось с яблока.

Покачивая головой я бросил яблоко в сумку и взял из дальнего ящика блестящий, поразительной симметрии тёмно-зелёный тороид, не возлагая на него особых надежд. Отрезал небольшой кусочек складным ножом, с которым не расставался уже половину столетия. Хрум... Однако! Не сказать чтобы восторг, но есть вкус. В противовес двадцати двум муляжам, надрезанным мною только за сегодня, и по меньшей мере когорте таких вкусовых инвалидов суммарно - кисловатый, терпкий, слегка вяжущий рот - вкус! Только вот в этот раз меня так просто не проведёшь.

- Я возьму пятнадцать, но лишь при условии, что попробую каждое, прежде чем оно окажется на весах.

Выразительно и с большими паузами проговорил я, как будто пытался объяснить что-либо пьяному или умственно-отсталому. Как будто таким сейчас выглядел он, а не я. Продавец, знавший меня уже не первый год (в отличие от скопившейся за мной очереди, из возмущения которой уже понемногу формировалось негодование), чью большую семью я помнил поимённо, постоянно справляясь насчёт их здоровья, и втихушку таская детям книги из университетской библиотеки, никогда не раздражаясь на смешные рисунки в них авторства его младшенькой (благо - карандашом), очень вежливо, видимо в память о моих "былых заслугах", объяснил что не может дольше удерживать посетителей, по понятным причинам поглядывавших уже на соседние прилавки. Я открыл было рот, но зная, чем это кончится и что я сейчас способен наговорить, щёлкнул зубами, не попрощавшись оставил несколько песо и все попытки продолжать спор.

Я шёл до нелепого быстро, сублимируя злость, но всего через несколько шагов меня настигло отчаяние, схватило за горло, прервав мою гротескно-спортивную ходьбу, не давая даже вдохнуть. Хотелось закричать, заплакать, разнести к чертям прилавки Рауля на смех скопленной мной же толпе - но я не мог. И не мог понять, как не понимал и Рауль, для чего мне пробовать каждое яблоко, почему моя симпатия к нему сменилась удивлением - недоверием - раздражением и под конец откровенной уже злобой, и что же происходит со мной с начала этого года. Куда ему - я и сам не мог в этом разобраться, хотя и знал много больше.

Что же - ком в горле начинает растворяться, и я попробую объяснить, но сперва избавлюсь от забракованной за сегодня партии - сумка уже достаточно тяжела, чтобы обращать на

себя внимание. Это избавление успело стать уже своего рода ритуалом, завершавшим мою каждодневную яблочную лихорадку: есть эти подделки я не собирался - и так сыт по горло. Создавать пластиковых яблочных погостов возле мусорок мне не хотелось. Людей такое "угощение" только оскорбит, и потому я начал поиски, отправившись вниз по оживлённой улице, выискивая своего "близнеца".

Мужчина, в ярости пинает машину, полной грудью вдыхает дым из-под капота - по виду сильно торопится. Древняя старушка, идущая навстречу, еле влачит в гору свою тележку - судя по одежде и волосам - существование тоже еле влачит. Уставшая мать тянет за руку ребёнка, которого будто бы в куркуме искупали, а тот дёргается - не сопротивляется, больше похоже на судороги. Очень надеюсь, что ошибаюсь, но почти наверное малярия.

А тут у нас мужчина, сорок восемь лет от роду, всё ещё крепкий, с хорошей осанкой, любимой работой, с завидным здоровьем и в ладно скроенном костюме пять минут назад чуть не разревелся из-за того что яблочки ему безвкусные попадают... Ну настоящий... Вот оно! Нашёл! Навстречу мне с такими же грустными, пустыми глазами, той же угрюмой походкою опустив голову шёл осёл, как и я навьюченный всякой ерундой. Я спросил разрешения у державшего узду мужчины, и он не спешил и не возражал. Медленно и задумчиво, одно за одним я отправлял через жёлтый частокол зубов яблоки и гладил холку своего "осла отпущения": в сумке и на душе становилось всё легче и легче - теперь это Его проблема.

Рынок находился достаточно близко от университета, и сдаётся мне каждый из моих студентов и коллег хотя бы однажды уже видел эту картину. В итоге я стал настоящим благодетелем для ослов. И настоящим ослом для своих благодетелей - университетского руководства, которое всегда шло мне навстречу, охотно находя замену на каждый мой период "вдохновения", не смотря на то что всё реже они приносили свои плоды. Прикормить осла яблочком - парой - ничего такого, даже умилительно, но вот парой дюжин - это уже настораживает. Перейдя же в систему это создало несколько других систем - систему перешёптываний и ухмылок на моих занятиях, систему пересудов на рынке, куда заходили все мои друзья и коллеги, систему пятисекундной паузы, когда я приходил на собрания, систему взгляда в пол и всеобъемлющей спешки у любого из моих потенциальных собеседников и проч. и проч. Наш ректор, ранее бывший деканом экономической кафедры - очень приятный мужчина обширной харизмы и комплекции (я подозревал в нём огромного размера резервуар, до края наполненный энергией и участливой добротой), всегда подшучивал, что для выхода из гуманитариев я слишком уж нормальный, мол не шпион ли я, засланный из "точной науки"? Теперь уж конечно эта шутка исчезла, равно как и улыбка с его лица при нашем приветствии. Вернее улыбка осталась, но была уже исключительно механической.

На последнем собрании, после очередной пятисекундной паузы, всегда сопутствующей теперь моему появлению, он предложил мне взять небольшой отпуск, сославшись на мой усталый вид. Но я не устал - я был измучен, гоняясь за разгадкой своего "яблочного вопроса".

- Во время разбора Улисса? Отпуск? Чтобы такое произведение разбирал какой-нибудь аспирант?! Нет уж, увольте.

С улыбкой ответил я. Улыбка не встретила ни одного отклика. Опять пауза, после которой я понял, что эту присказку мне стоит забыть теперь раз и навсегда - а то ведь и вправду уволят.

- А всё-таки подумайте: погода поразительная! Ехали бы в Пурмамарку к вашим радужным горам, ведь вы всегда говорили, что вас они наполняют! А то выглядите, дружище, уж простите - немного отпитым последнее время...

Горы то радужные, а вот настроение не особо, и одними горами тут явно не отделаться, тут серьезнее... Погоду ещё вернул - да весь год прекрасная, до удивления, погода, ну и какого хрена при такой прекрасной погоде такие дерьмовые яблоки?! Так, хватит, пока вслух не заговорил. Не заводись.

Я с улыбкой согласился, но попросил дать мне время хотя бы с Улиссом закончить. А уж потом, если моя "усталость" (тут все неловко переглянулись) меня не оставит - первым автобусом, не успеют герои разойтись по домам, как я уже буду в Пурмамарке.

Последние пятнадцать лет я преподаю литературу в университете Буэнос-Айреса, иногда пишу, но всё больше для себя - поддерживать форму: при работе, где постоянно приходится оперировать чужими мыслями, рискуешь полностью растерять свои собственные. Ясное дело ценность последних не сопоставима с Кафкой и Прустом, и всё же мне не хотелось к старости стать простым ретранслятором, и хотя моя надежда создать нечто феноменальное выплывала уже наперегонки с волосами, потерять её полностью я просто не мог себе позволить. Ведь даже самый бестолковый студент это почувствует, и тогда уж не выточится потенциальному гению на моей кафедре - в лучшем случае несколько десятков таких же преподавателей литературы, моих серых дубликатов, а если упомянуть, что и сам я дубликат, получается... Думать даже не хочу. В общем звёзд с неба я не хватал, но в этой стране всегда были проблемы с образованием, и я прекрасно в них вписывался. Ладно, это не совсем справедливо: светоч из меня, конечно, тускловатый, но я был очень добротным керосином, умел разжечь то, что во мне в своё время не разгорелось, а теперь уже еле тлеет. Студентам я нравился, был с ними мягок, открыт, далёк от пуританства в обсуждении противоречивых, вроде нависшего над ними в то время "Улисса" произведений и были у меня к ним свои "методы".

С одного из них всё и началось: в начале каждой пары с самого первого дня на этом месте я клал на свой стол ко всеобщему обозрению притягательнейшего вида зелёное блестящее яблоко, в те славные дни совершенно не заботясь его вкусом. Идею, думаю, вы и так поняли - пытался им вдохновить новых Ньютонов на стезе писательства. Тот, кто выделился, или хотя бы приятно меня удивил, получал это "церемониальное" яблоко в конце пары. Знаю, знаю... но в начале работы это казалось мне оригинальным, а когда осознал банальность своей затеи - яблоко успело уже стать некоторым символом и отменить его теперь не было никакой возможности. Сам то я яблок тогда особо не жаловал, но столько времени видеть его перед собой, и особенно в период дебатов, когда голод настигает тебя ещё в начале занятия, а оно вот здесь прямо - маячит перед глазами - хочешь не хочешь соблазнишься. А нельзя - даже в те дни (а такие, увы, случались) когда студенты готовились хуже некуда и яблока никто не достаивался, я не мог съедать его сам - староват я для такого самомнения, и ученики наверняка будут раздражаться. Отсюда и начались мои гастрономические сношения с этим символическим фруктом, и появилось их четкое разделение на "церемониальные" и "повседневные". Повседневные нарочно выбирались из самых неприглядных, отчасти во избежание путаницы, отчасти оттого что уступая во внешности они всегда компенсировали во вкусе.

Как и на всех других (за редким исключением) поприщах регулярные повторения делали своё дело, и вот я уже стоял по утрам на своём балконе с биноклем, с полумили определяя нужный мне плод, экономя двумя окулярами ценные предрабочие минуты, дабы не тратить их на циркуляцию по рынку. Добавьте к этому многолетнему визуальному упражнению обязательную тактильную инспекцию, нюх ортодоксального противника сигарет, и важнее всего - обширную сеть информаторов, плотнейшие сношения с продавцами с небольшим книжным подкупом, и тот факт, что по моему появлению на рынке стало можно часы проверять. Следствие - даже если мне и случится позариться на заготовивший разочарование плод, чем-либо меня прельстивший - весь рынок сбежится меня отговаривать, и уж поверьте - бездушнейший из торговцев такой грех на душу взять не подумает. Быть может я и нафантазировал, но кажется несколько особенно хитрых хозяек каким то образом это пронюхали и стали выставять часовыми своих детишек чтобы те запоминали мой выбор и бежали давать отмашку своему управлению. Другого объяснения утреннему шпионажу и опустевшим к вечеру ящикам избранным

мною я попросту не нахожу. Из всего этого можно сделать вывод: некудышных яблок я не вкушал уже много лет - но вот тут то всё и посыпалось...

Канун нового года, необычайно свежий, даже прохладный по меркам этой поры, вечер. Небо, цвет которого долго не мог найти подходящего сравнения в моей голове, более всего походило на чай с молоком - весьма редкий гость в кружках здешних жителей, однако кварирующий в новообретённом доме каждого мигранта из восточной и центральной Европы, напоминал о давно утраченном детстве. Тёплый ветер с Ла-Платы лениво и умиротворённо выдувал на улицы вторящие своему настроению толпы (хотя толпа - слишком суетливый и резкий термин - сейчас люди напоминали скорее рассеянный утренний туман, плавно заполняющий улицы). Спешные кивки и обрывистые приветствия сменились теперь радушной и тёплой улыбкой, приятными своей простотою беседами и искренними в большинстве своём пожеланиями в преддверии праздника. Все включая меня уже успели закончить свои дела и теперь неспешно готовили стол для своих многолюдных семей (это, впрочем, ко мне не относится), собирая продукты и разбрасывая звучные приглашения. Все, кроме торговцев, прилавки которых всеобщая нега так старательно обтекала, и чьи улыбки, с утра ещё такие искренние, сменились теперь вполне и небеспричинно вымученными. Думая об этом, я радостно ускорял шаг, имея для каждого из них кое-что, хоть немного их ободряющее.

Одно из моих хобби, появившееся вопреки прочим из вынужденной практики. Ещё примечательнее, что этот медитативный процесс, приносящий мне глубочайшее умиротворение, был ознаменован совершенно несвойственной мне вспышкой раздражения. Да что там - настоящего гнева, который хотя и был вполне обоснован, всё же направлен был, к моему стыду, не тому получателю. В тот день сон по какому-то непростительному недосмотру миновал мою дверь, а пылающая небесная сфера уже столь давно завершила своё шествие, что успела уже подкрасться с другой стороны к стартовой отметке. Я сидел в библиотеке, сводя на нет труды самых усердных из юных живописцев, которых я ошибочно счёл за любителей литературы, обещая себе запомнить их имена и снабжать их в дальнейшем вместо книг набором для рисования, в надежде направить в нужное русло их неиссякаемую энергию и вдобавок сэкономить свою, порядком уже иссякающую.

И тут в уютный треск поленьев в камине вторгся раздражающий всех, кроме, увы, самого зачинщика, скрип колеса. Уборщик, похоже, находил в нём некий понятный ему одному ритм, поскольку не смотря на своё усердие, трудолюбие и аккуратность, граничащую с компульсивностью, уже пятый месяц пренебрегал колесо умаслить. Точно вычислив время его появления по нарастающей громкости скрипов я на секунду вскинул глаза для формального приветствия, на этот раз сильно ошибившись в расчётах: ни о какой секунде не могло быть и речи. Увидев такое кощунство я буквально оцепенел, не в силах оторвать взгляд и вымолвить ни слова по меньшей мере секунд двадцать. Придя же в чувство (к моему стыду - избыточное) я вскочил и бросился к нему. Прикинув длину своего шага, помноженную на степень раздражения, я насчитал шесть шагов, однако по совершенно необъяснимой для атеиста неприязни к числу шесть я уложился в пять энергических, твёрдых, осуществив последний самым уборщиком, резко схватив его за воротник и притянув к себе.

- Ты что это делаешь, олух?!

Бессмысленно завопил я срывающимся голосом. Я и сам видел, что он делает - выборочно скидывает в мешок самые ветхие книги, которые я брал с полки двумя руками с улиточной скоростью, стараясь даже и не дышать на них.

- Ты понимаешь, что они там в пыль обратятся?

Сказал я уже немного спокойнее, не сообщив впрочем своего спокойствия моему припугнутому испуганному собеседнику. Может дело было в остервенелых глазах, а может в

немецком акценте, от которого я так и не избавился за сорок лет своего аргентинского бытия, но если честно я и не особо стремился - звучит очень выразительно, особенно когда надо выразить нечто подобное.

- Я ничем не хотел вас обидеть, сам ректор разрешил мне взять самые ветхие на растопку для праздников. Ничего не пропадёт - беру из тех, что скоро придут, у меня тут и список есть. Сам ректор...

- С ректором твоим мы ещё потолкуем, а пока я тебя сам на растопку не пустил, ибо единственно для неё ты и годен - долой с глаз моих. И тележку не трогай. И список - список оставь, дальше я сам. Топить книгами! Вас топить, в детстве ещё топить, мешком... - тихо проговорил я вслед виновато ухрамывающему уборщику.

Борьбу с вандализмом юных дарований я отложил на завтра, тут угроза много серьёзнее пары карандашный набросков. Я аккуратно водрузил на телегу всех невольных участников этого ужасного "списка Т-4", сорвав эту отвратительную инициативу евгенического оттенка, которую ректор с уборщиком хотели втихушку проверить, и раздражённый, но вполне довольный собой, не слишком туго затянул ремни и покатил телегу к выходу, а затем домой, выбрав длинную, но похвально ровную, идеальную для моего дела, дорогу.

Уже светало когда я добрался до своей пустующей, и оттого безупречно упорядоченной минималистической квартирки, располагающейся на третьем этаже бесцветного, не претендующего на оригинальность многоквартирного дома, который не больше не меньше выполнял свою прямую функцию, но выполнял добросовестно. В общем то про меня можно сказать то же самое. Третий этаж мог бы стать проблемой, но на счастье в это воскресное утро на работу собирался мой сосед - коренастый садовник, с радостью оказавший содействие по первой моей просьбе, а уж узнавши характер груза и причину его миграции и вовсе пришедший в восторг. Даже дал свой телефон и назвал номер квартиры, взяв взамен обещание в подобной ситуации обращаться непременно к нему и в любое время суток. Сказал отказывается доверить такую поклажу любому из наших соседей, некоторым - по их беспечности, некоторым - по их тщету.

Вот так вот бывает: человек, всю жизнь работающий с растениями может стать примером для растений, всю жизнь проработавших в университете. Я сердечно поблагодарил его за помощь, и осознавая неуместность предложений денежного вознаграждения пригласил его на чай, заранее впрочем зная, что он откажется, так как спешит на работу. Он ответил что с удовольствием в следующий раз, и по глазам было видно, что он не слишком то на такой раз и рассчитывает. Смышлёный мужик, жаль забыл спросить имя...

В общем я наконец доставил груз и тщательно его осмотрев с удовольствием обнаружил, что за исключением двух первых покалеченных уборщиком экземпляров все они вполне ремонтоспособны. Я прописал себе крепко отоспаться, и докончив свой непереносимый при пробуждении кофе тут же отправиться на барахолку для учреждения своей небольшой книжной реанимации: донорская кровь (чернила), органы (бумага, которую я уже задумал состарить правильным чаем: старее страницы - крепче заварка), протезы(переплёты) и так далее. Ничего из этого помимо никудышной к такому делу бумаги у меня сейчас не было, но было кое-что другое: злость на несостоявшегося Латино-Американского Цезаря в не совсем Александрийской библиотеке, и недавно початая, новёхонькая баночка машинного масла, подмигивающая мне с нижней полки. Возложив книги на свой чистейший обширный стол я перевернул пустую телегу и злорадно, тщательнейшим образом смазал злосчастное колесо, а после и все остальные, предотвратив появление всех трёх каверов из опасения, что они придется уборщику по сердцу. Сажу, кручу поочерёдно каждое колесо, словно кулису натягивая улыбочку на своё лицо - замечательно! С такой тележкой хоть вокруг цербера хороводы води. Не терпится её вернуть - а и верну. Ещё до барахолки верну. Уборщика точно застану, воскресенье - его бесменный караул.

Свою большую двуспальную кровать сегодня я делил со сладостным предвкушением и непомерным самодовольством, но это не мешало мне, просторно раскинувшись, быстренько утечь в глубокий, и неожиданно яркий сон.

Мне впервые за много лет снилось детство - это даже трудно назвать сном, скорее уж дословное воспроизведение моих детских воспоминаний, чемодан с которыми я словно забыл взять с собой во время моего бессрочного отъезда: остались лишь те немногие, что я успел разложить по карманам в дорогу, и вот, спустя четыре десятилетия, словно по чьей то чудовищной ошибке затерявшиеся на почте воспоминания начали приходить к дверям моего сознания во снах крошечными бандеролями, каждую из которых я ждал с соответственным детским нетерпением.

Снился тёплый осенний, судя по листьям, вечер. Горячий штурдель с холодным мороженым. Отец - так же учитель литературы, просвещающий детские неокрепшие ещё умы, так умело скрывающий отчаяние от изменений в школьной программе, над которой уже во всю трудилась национал-социалистическая партия, тогда ещё ограничиваясь единственно пропагандой. Он тратил почти все свои силы в попытках защитить разум от этой новой правительственной заразы, но всегда находил их для моего образования, истово вытесняя те ужасные убеждения, которые уже во всю насаждались в школах. Мать - это её неповторимый штурдель на столе пленял моё внимание - держала пекарню на нижнем этаже соседского дома. Отец всегда говорил, что преподавать ей удавалось не хуже чем ему в её бытность гувернанткой, но она устала противостоять установленному в голове её подопечных "порядку", да и противостояние это уже становилось не на шутку опасным. Они не могли рисковать моим будущим, поэтому в один вечер как то сразу решили, что их долг - обезопасить хотя бы одного родителя от возможных последствий своего несогласия - я тайком подслушал этот разговор, спрятавшись у распахнутого выходившего в сад окна. Родители были волевыми, смелыми до самоотверженности людьми, и очень любили свою страну (по крайней мере ту, которую помнили), они бы никогда не оставили её в столь бедственном положении, не застрянь я между эфемерной плоскостью планов и устойчивым пространством самодостаточности. Мне они, смеясь, объяснили своё решение тем, что сейчас к сожалению хорошая выпечка ценится куда выше качественного образования, а времена сейчас требуют иметь некоторый капитал на всякий случай (который, к слову, не заставил себя ждать). Я сообщил, что их доводы более чем разумны, и хотя я досаую, что отцу придётся продолжать нашу борьбу в одиночку, горечь от этого вполне растворится в сладости маминой выпечки. Они, сдерживая смех, отдали должное моей рассудительности и здравомыслию, делая вид что принимают это со всей серьёзностью. Я степенно кивнул, делая вид, что не понимаю этого.

Не смотря на страшные обстоятельства, те немногие воспоминания, которые снова начали меня посещать, все без исключений были тёплыми и приятными, вызывая впрочем сопоставимую с теплом горечь оттого что я столько лет был лишён их. Мой степенный кивок словно дал зелёный свет окончанию нашего семейного спектакля имени "напускной серьёзности", и ни я, ни родители уже не могли и не старались дольше сдерживать смех. Может из-за высочайшей из нас троих частоты, возможно - из за неизъяснимой, столь часто всплывающей тесной связи сыновей с матерями, отчётливее всего я слышал её смех. Под его звуки, до края наполнявшие сердце теплом, я и проснулся.

У меня было два диктофона - портативный и стационарный, недвижность которого была обусловлена единственно его назначением. Первый - для моих литературных озарений почти не покидал кармана моих брюк. Не оттого, увы, что мне часто приходилось их снимать, а потому что озарения с каждым годом захаживали ко мне всё реже и реже. Второй диктофон всегда был на прикроватном столике, при пробуждении бывший не просто под рукой, а на

расстоянии вытянутой руки - я считал каждую секунду с жадностью цепляясь за мельчайшие подробности сна, столь стремительно от меня ускользающего.

Записи достаивались лишь те документальные сны о моём детстве, хотя мой ближайший друг - о нём позже - и советовал записывать все, объясняя, что это должно приучить мозг возвращаться из царства Морфея с большей поклажей, у меня рука не поднималась столь бездарно растрачивать плёнку. Посторонние сны я дописывал уже на парах, от руки, убивая этим аж трёх зайцев: студентам казалось, что я работаю над новым романом - это отлично поддерживало и уважение в них, и тишину в аудитории. Механически - оттачивал каллиграфию и разминал кисть, так редко используемую по прямому писательскому назначению. И наконец стилистически - многие детали сна растворялись ещё в дороге, и такие пробелы я восполнял чрезмерно тщательным и выверенным описанием того что мне удалось донести.

Я проснулся, схватил прикроватный диктофон, и со скоростью тахилактика и чёткостью Демосфена принялся структурно наматывать сон на пластиковую катушку: сперва каркас, чтобы не упустить ничего важного, после - "маркеры" - особенно ярко запомнившиеся события или предметы, а после уже скрупулёзно, по порядку вспоминал каждую, до мельчайших, подробность. Извлекая всё, на что был способен, я приступил к каждодневной зарядке - ещё одному пассажиру вагона Европейских привычек, не пользующегося здесь популярностью. Механически совершая все эти махи и скручивания я перебирал в голове всевозможные детали и события, которые могли хоть как то перекликаться с моим сном и имели шансы ассоциативно пробудить новые воспоминания. Затем неизменный утренний кофе - нестерпимо хотелось штурделя, но хорошего штурделя на всём континенте не сыщешь, а готовить сегодня не было времени - дела, дела... А после, собственно, дела: захватив список для реставрации и обезмолвленную накануне тележку я направился напрямиком в университет, движимый уже не злорадством, которое сну вполне удалось изгладить, а скорее острой потребностью поскорее закрыть вопросы с ректором и уборщиком, обязательно извинившись за свой вчерашний срыв.

На счастье уборщика я застал в первом же коридоре, упорно отдиравшим жвачку с университетской доски почёта, и не смотря на воскресную тишину университетских стен мне всё же пришлось коснуться его плеча, чтобы завладеть его вниманием.

Я неуклюже выразил сожаление за вчерашнее, нескладно буркнув что-то про переутомление в связи с окончанием семестра. Затем, собравшись с мыслями, сказал что дело похоже в прошлом, от которого моя семья уехала в Аргентину, от которого же одна мысль о сожжении книг так вывела меня из себя. Уборщик понимающе кивнул, и всё же извинение вышло чисто формальным: на самом деле ни мой поступок, ни даже рукоприкладство ни в коей мере нас сейчас не заботили. На деле я видел, что в противовес всему остальному университету, уборщику не даёт покоя тишина, с которой его тележка преодолела коридор, а меня куда больше мысли о сожжении книг ужасает то, что я пригрозил сожжением человеку - не смотря на очевидную пустоту этой "угрозы" она давила на меня, будто вместо детских воспоминаний со своей родины я по ошибке взял чемодан с чувством вины за преступления своего народа.

Я видел, что в моих оправданиях нет ни нужды, ни отклика. Он понимал, что от этого разговора масло на колесе не испарится. Потому мы как-то резко, по негласной договорённости, закончили разговор.

Беседа с ректором, не в пример другим нашим добродушным перемолвкам, тоже была не из приятных, хотя прок из неё однозначно вышел: я ведь шёл спасти книги, а не довести своего руководителя до катарсиса. Я минут пять распинаясь о невозможности его поступка, он смущённо кивал головой, смотря иногда с умилением на моё выступление. И, не смотря на то, что смущался он не своим решением, а обидой, которую необдуманно нанёс этим решением мне, и умилялся он скорее не спасением книг а моим на то рвением, я добился своего и этим сполна удовлетворился: Командир клятвенно заверил, что все списанные книги переходят теперь в моё ведомство, и даже ветер в стенах его заведения не посмеет сдуть с полки самые тленные

из списываемых экземпляров. На большее я и не рассчитывал - чего ещё ждать от экономиста: в его мире это всего лишь одна спиленная ветвь и пятнадцать минут работы печатного станка, а в его доме нацисты были не обезумевшими хозяевами, но стыдливо скрывающимися молчаливыми гостями. Да я и не большой любитель по чужим монастырям шататься - дело сделано и ладно.

Солнце, не преодолев ещё и половины пути к зениту, работало сегодня на славу, и не просто на славу - на зависть стахановцу, как выразился бы советский коммунист. В десять минут пути до рынка со своего ракурса оно превратило тёмно-серое борсалино на моей голове в кухонную плиту, присовокупив к визуальному соответствию термическое. Почти всю свою жизнь я наблюдал эволюцию этого рынка, но в этой его части бывал не более пяти раз в силу своей привычки покупать или ремонтировать что бы то ни было раз и навсегда, и относиться к этому со всей бережливостью. Благодаря техническому прогрессу две небольшие палатки превратились в три обширных торговых ряда, кишачих в основном блестящими запчастями и чумазыми автомеханиками. С марлей, картоном и в особенности клеем проблем не возникло, а вот японская бумага почти заставила меня опустить руки. На счастье, когда я уже выходил с другой стороны рынка и перебирал в голове к кому из знакомых бы мне прицепиться по этому поводу я наткнулся на небольшой выгоревший прилавок с ветхим скучающим стариком, который и сам изрядно нуждался в реставрации, но увы - не мой профиль. Старик, сдаётся мне, выручил с меня больше, чем за последние пару недель работы - я взял уйму самой разной бумаги с большим запасом, так как не счёл вырванных и неизлечимых страниц у своих пациентов, и как большой знаток нашей библиотеки прекрасно понимал, что эта партия далеко не последняя. Досадуя, что начал свой ход с противоположной стороны рынка, я разглядывал едва ли конечное множество оттенков акриловых красок в деревянных чемоданах моего спасителя, и не долго думая, не обращая внимания на то, что уже купил в предыдущей лавочке приблизительно восемь тюбиков, я взял ещё десять, так безукоризненно вторящих обложкам, что первую свою покупку уже мысленно распределял вышеупомянутым художникам-партизанам, притаившимся среди маленьких бережливых чтецов.

И вот я довольно достаю список - не для того, чтобы с ним свериться: я прекрасно помнил всё, произошедшее со мной в южном полушарии, что уж там до пяти компонентов и десяти оттенков, нет - я с улыбкой помечаю каждый пункт галочкой, закрепляя ощущение сопутствующей мне удачи и убеждение в том какой же я молодец.

К моему возвращению жара стала уже совсем нестерпимой даже по меркам Латинской Америки, и ей удалось полностью растопить мои мысли о штруделе, остатки которых стекали каплями пота по моим густым седоватым бровям. Я метнулся в душ, чтобы перед восстановлением книг хоть частично восстановить свою свежесть ледяной водой. Покончив с душем я организовал себе незаменимый при таком пекле лимонад - ещё один поборник моей дотошности и скрупулёзности, поощряющий эти качества нескончаемым в этой стране изобилием сортов и оттенков мяты - я не мог успокоиться, пока не найду идеальный для этого напитка. Избранные мной сегодня широкие светло-зелёные листья с зубчатым краем были почти идеальны, однако я не спешил с выводами, отложив их для повторного испытания. Удивительно, что продукты питания подвержены воздействию настроения не меньше продуктов культуры - я припомнил, как завершил прекраснейший вечер с одной колумбийкой просмотром "Ранчо Делюкс", а уже через неделю краснел в кинотеатре со своей новой избранницей за эту свою рекомендацию. С мятой то же самое - на этот раз подожду, пока мой восторг поутихнет, и попробую снова для объективной оценки.

Лимонад на застеленном плёнкой столе, там же: клей, несколько кистей, бумага, перо с четырьмя съёмными насадками и свеженаполненная чернильница. На кухне декоративная заварка ждёт своего часа. Облачившись в старую холщовую рубашку для работ по дому и про-

странные шорты я принялся сортировать книги на те, что уже через месяц должны быть готовы и те, что едва ли найдут себе применение и отправятся пожертвованием какой-нибудь книжной лавке. Выбрав из первых книгу, которую смогу восстановить без её цельного дубля одной своей памятью я открыл её, уже на четвёртой странице найдя работу для своего пера. Тут именно перо - ручкой совсем нескладно будет. Буквы я выводил похожими на печатные, но не слишком, понимая особенность инструмента и невозможность повторить оригинал - так оно даже лучше, как оригинальная нашивка на джинсах лучше очевидной попытки залатать потёртости. Выходит даже лучше, чем я ожидал - в каждой восстановленной или вовсе заново выведенной букве был виден результат кропотливого человеческого труда, при этом она не слишком выбивалась из общего машинного стиля, а напротив, необъяснимым образом с ним гармонировала. Если хоть одна ручка маленького вандала дрогнет от этой картины и откажется, увидев в ней ту же красоту, что разглядел я, вносить свои "правки" - уже хорошо. А нет - ничего, процесс нравился мне не меньше конечной цели и через час я уже не просто втянулся - я был натурально заморожен им. Процесс объединял и концентрировал те мои черты, которые похоже передались мне генетически, и которые стереотипно, но всё же в своём большинстве безошибочно приписывают моей нации: усидчивость, трудолюбие, тяга (а может и одержимость) порядком и точность (тут скорее про мнемоническое восстановление текста, чем про шрифт). Все эти качества и мои привычки (которые вы наверняка уже примечали) с возрастом всё более мною овладевали, равно как уходило от меня умение культивировать яркие образы и оригинальные идеи, и здесь не сложно разглядеть самую прямую связь. Что поделать - таков порядок. От себя не убежишь, а во всех попытках поймать бегущие от тебя годы - всегда обнаруживаешь с своей руке решето.

Из двух дюжин спасённых мной книг три четверти вполне подходили на роль новогодних подарков, и взяв сходу хороший темп, за месяц я как раз с ними управился. Прошу прощения за несколько сумбурную скомканность моего рассказа, но если вам достанет терпения дочитать его до конца - вы вполне поймёте меня, ознакомившись с обстоятельствами моей работы над ним. А потому, стараясь не раздражаться этой временной чехардой и лихорадочными скачками - вернёмся на рынок, куда я нёс плоды своего труда предновогодним, тёплым и томным вечером.

Тот вечер запечатлелся в моей памяти без мельчайшей даже погрешности: плыву по глади всеобщего восторженного расслабления к рынку с тяжелой, до отказа набитой книгами, холстами и красками сумкой, нисколько меня не отягощающей: напротив, она прекрасно сочеталась с моим настроением и образом, который я впервые примерил не смотря на свои уже почтенные почти годы. Впервые - ввиду отсутствия семьи - этакий Вайнахтсман в бессрочной командировке на другом конце света. Носить этот костюм было приятно, и я даже взгрустнул что столько лет упускал возможность его на себя прикинуть. Но так уж вышло, что не было на моём личном фронте ни затяжных войн, ни устойчивого перемирия, а только краткосрочные вылазки да диверсии, уже даже не с целью разведки, а единственно напомнить себе что фронт этот ещё не свернули. Армия, с которой я вёл эту войну была много моложе меня, порой настолько что допрос пленённых "солдат" начинался с выяснения места их учёбы во избежание столкновений на нейтральной территории. При этом собственное место работы я умалчивал, чтобы война оставалась партизанской, во избежание всякой огласки. Как полагается - молодость я побеждал опытом и красноречием, его вполне хватало, чтобы заманивать ярких девушек на тусклые фильмы. Такая стратегия только уводит тебя от того, что принято называть "остепениться". Приплюсуем мой возраст, который ворует у ребёнка отца, подло подсовывая на его место дедушку - суммой будет ответ, отчего я давно поставил крест на семье. В моём возрасте вообще уже успеваешь поставить крест на стольких вещах, что сад твоих амбиций напоминает скорее кладбище. Скажу в своё оправдание: когда-то давно я пытался построить

семью, и очень даже старательно, но так и не нашёл нужной почвы для закладки фундамента, как будто осталась моя любовь в стране холодных зим и тёплого очага.

Что-то я опять заплутал в своих рассуждениях - этак следующий крест я поставлю на попытке рассказать наконец свою историю. Хватаю свои мысли, как ранее схватил пиро-мана-уборщика, и рывком тяну их назад на рынок. Аккуратно протискиваюсь к прилавкам, крепко держа в руке сумку с подарками и самый эргономичный маршрут к отцам получателей - в голове. "Война и мир" - для терпеливого не по годам Игнасио, "Остров сокровищ" - для маленького пирата Федерико и символичное "Преступление и наказание" для Матиаса, который в силу унаследованной от отца вспыльчивости и дурной, приобретенной на рынке среди торговцев, репутации, заставлявшей их держать ухо востро при его появлении, действительно рискует стать "сухопутным пиратом". Терпеливо жду своей очереди до каждого получателя, чтобы не подливать дёгтя в этот кипящий котёл праздничного волшебства, не смотря на то что сам я ничего покупать не планирую. В этот день в качестве покупателя я штурмую только винный магазин, поскольку свежих фруктов на большом семейном столе моего университетского друга и так в избытке, а вот хорошее вино никогда не бывает лишним. Последние десять лет я игнорирую приглашения "Столичного писательского общества", последние пять - даже перестал отправлять им неловкие вежливые отказы, предпочитая заумному вычурному пустословию молодые фрукты, выдержанную дружбу и искренний смех в семье, к которой я направлялся в эту ночь. Семье, частью которой я в каком-то смысле уже стал за эти десять лет. На первых порах я конфузился, мямлил про то что праздник семейный, и вдобавок я не хочу усугублять духоту помещения своими душными монологами, но Хуан Карлос заверил меня что я прекрасно развлекаю своим сдержанным деликатным обхождением его экспрессивное семейство. Так оно и вышло: я хладнокровно и справедливо разрешал неуёмные споры, терпеливо выслушивал долгие восторженные тирады детей о прочитанных книгах и сам временами заводил какую-нибудь тягучую и забавную историю про свои путешествия, давая спорщикам возможность немного передохнуть.

Должно упомянуть, что когда на последнем месяце курса меня начали посещать те самые сны, пазлами возвращая утерянное прошлое, моё восприятие - следовательно - вся моя жизнь начала стремительно меняться. Но как человек, уже порядком отвыкший от любого рода изменений, я не вполне понимал что со всем этим делать. И хотя происходящее приятно будоражило мой интерес - всё было как-то слишком сумбурно, и нарушение столь застоявшегося уклада вводило меня временами даже в панику. Однако в последний день учебного года, после столкновения с уборщиком, а точнее даже при первой моей реставрации списанной книги я наконец отчётливо понял, что на меня готовится обрушиться что-то новое, по-настоящему крупное и значимое, что капля за каплей разрушает установленные мной порядки, отчего и происходит моё смятение и приятное предвкушение чередуется с эпизодами почти истеричного беспокойства. Всё было просто: коль скоро что-то крупное свалится тебе на (а скорее уж прямоком в) голову - будь добр расчистить площадку. И я начал расчищать: сменил учебную программу на те произведения, которыми был увлечён сейчас сам, выбросив заученные разборы заученных книг, которые проговаривал на парах уже почти машинально, без какой бы то ни было отдачи. Сменил свой угрюмый бессменный костюм на лёгкие широкие брюки и цветные льняные рубашки. Но самое для нас важное - избавился от некоторых своих привычек, плотно занимавших мой день и пускавших его по однообразному выполированному руслу. В числе них - каждодневная покупка яблок, которые я теперь мог упразднить хотя бы на время длинных зимних каникул не нанося ущерба амбициям моей паствы.

И вот сегодня раздача книг довольным отцам, ещё более обрадованным тем, что книги не нагружены необходимостью возврата, а сами они не нагружены ответственностью за их состояние, в совокупности с моим вынужденным в нескончаемых очередях созерцанием свежего урожая притягательнейших на вид яблок, побудили меня вспомнить об этом своём трюке на один

день, в виде исключения. Я решил заискивающе раздать эти яблоки любимым мною постояльцам дома, в который направлялся на праздник, рассчитывая получить с совестливых не по годам детей грандиозные достижения в будущем за свой скромный аванс. И потому захватил партию ярчайших тёмно-красных, под стать запланированному вину, яблок, и направился через винную лаку к дому, где меня, похоже, уже заждались.

По-видимому глава семейства пристально наблюдал за подъездной дорожкой, затаившись подобно фотографу-анималисту в самом тёмном углу террасы, поскольку не успел я хлопнуть дверцу автомобиля, как увидел надвигающийся силуэт, походка которого странным образом сочетала нетерпеливость с непринуждённостью. Мы обнялись, и Хуан потащил меня в дом не снимая руки с моего плеча и принялся вводить в курс дела. Оказывается ещё не успев приехать я уже утомил всех своим непростительным опозданием:

- Горячее давно стало холодным, и я как друг обязан тебя предупредить вот о чём: когда моя жена затараторит, что блюда не остыли а "настоялись", что разогретыми они ничуть не хуже свежее испечённых, что ничего страшного в сущности не произошло и все они очень рады твоему приезду - всё это будет вежливой ложью. Так что очень надеюсь, что подарки твои действительно хороши. И ещё: к еде мы не притрагивались, но ты ведь не рассчитывал, что это касается и выпивки?! Так что терпи теперь мои испытанные сентенции, сам уж тут виноват, что вынудил меня встретиться лицом многопревосходящие силы противника из мрачных сырых земель моего винного погреба. Но я победил! А значит я - спартанец!

Он не был похож на спартанца, а впрочем на уважаемого преподавателя химии он сейчас тоже не тянул. Скорее на какого-нибудь главу картеля с этим гигантским воротником своей до брюха распахнутой рубашки и донельзя в этой войне развязавшимся языком и развязным поведением.

- Хорошо хоть вина захватил! А то ведь от южной стены моего погреба столько убыло, что боюсь как бы дом не нак(х?)ренился. На участника моей коллекции, конечно, не тянет, не то что на жемчужину, но это определённо лучшее что можно найти в нашем городском "баррике". Вот тут - хвалю. Исправляешься! Ну, айда к столу.

Мы прошли в столовую, миновав скучающий при такой жаре гардероб и контрастно ему запыхавшуюся служанку, которой я украдкой, боясь потревожить нетерпение детей, вручил подарок и сразу же обругал своего друга за то что он держит её здесь, в такую то ночь.

- Водителю отнеси свои упрёки, если найдёшь этого пройдоху - два часа уже со своей машиной возится. Будто я тут Розу по злему умыслу удерживаю... Розу я люблю всем сердцем, однако не на руках же я её понесу домой через весь город. Ты у нас тут любитель шататься где попало в новогоднюю ночь - сам и неси. Так что нечего тут рубить с плача, Verdammt ты этакий.

В первый же год нашего знакомства он наизусть выучил немецких крепких ругательств на добротный проспект, а ещё называет меня занудой... У моего бесценного друга вообще невероятная способность к изучению чего бы то ни было. Свою жену Анну, например, он изучил настолько, что предвосхитил текст её приветствия с точностью до запятых в нашей беседе на подходе к дому. Поэтому через моё смущение пробивалась совсем неуместная, сдобренная удивлением, насмешка. Её муж, хотя и порядком уже захмелевший, не утратил ни капли своей наблюдательности, и этим запоганил мне не только встречу с его женой. Не успели остатки жаркого исчезнуть с тарелок, как он притащился к столу с пакетом яблок, неплохо, как мне казалось, запрятанных среди коробок с подарками.

- Либо ты наконец осознал, что жаркий климат нашего полушария делает твою флегматичную натуру совсем уже несносной, и завтра же едешь с этим нудеть по ушам немецким студентам, на что я очень надеюсь, либо ты что-то задумал касательно моей семьи, а?

Сказал он, потрясая пакетом яблок.

- Браво! от твоего орлиного взора ничего не ускользает, я вижу! Кроме, пожалуй, собственных бёдер, надёжно притаившихся за этим валуном.

Парировал я, хлопнув его по животу. Конечно я имел в виду не бёдра, но не при детях же.

- Но-но! Я зато похож на человека, достаточного всюду, а не на вешалку из своего гардероба. Но довольно любезностей, давай-ка мы с тобой лучше десерт... И не вздумай никак это комментировать. Не больше одной шутки в день про мою полноту - это уже не оригинально.

- Кстати, о неоригинальном... - Рассмеялся я - Раз уж достал яблоки, давай объяснюсь. Прежде всего - в Германию я не возвращаюсь, будьте спокойны...

И я начал свою привычную, слегка пафосную речь про Ньютонов, надежды, озарения, бла-бла-бла и бла-бла-бла. Теперь уже придётся сразу дарить подарки - подумают ведь дети, что я решил от них яблоком да вдохновляющей речью отделаться. Не хотелось прослыть здесь скрягой, пускай и всего на пару часов. А ведь планировал дарить в полночь, потому как люблю точность - везде и во всём.

Так или иначе - подарки подарены, десерт съеден, выпито ещё вина, и хотя за моим визави мне было не угнаться - я заметно повеселел и расслабился больше привычного. Настало время для нашей традиционной ежегодной сигары, это читалось в сытом и немного лукавом Хуанском взгляде. Я кивнул, захватил со стола пепельницу и по молчаливой договорённости мы оправились на террасу побеспокоить пару плетёных кресел.

Приятно было сменить этот шумный стол на столь плавную, свежую и эталонно тёмную ночь. Тихое и завораживающее звёздное небо, которое через пятьдесят три - пятьдесят восемь минут будет разрываться салютами и восторженными возгласами. А пока - идеальное время для укромных глубоких бесед.

- Ну как там твои колени? Небось уже хотят с Атлантом поменяться шарами?

- Покамест меня выдерживают, спасибо за заботу, олух.

- А семья как?

- А что семья? Третий час уже уши греешь, сам не видишь?

- Семья выдерживает?

- Как бы устроить, чтобы ты наконец заткнулся и сигару мне не переводил? А впрочем нет, давай-ка лучше про твои сны. Что с ними?

Я немного приврал, ранее назвав себя ортодоксальным противником курения - в новогоднюю ночь, и только в новогоднюю ночь, я позволял себе выкурить (скорее даже выкашлять) эту сигару. Мой друг же позволял себе эту сигару при первом позыве своей балованной натуры. Позволял и вино по такому принципу, и вином вовсе не ограничивался. При этом его здоровье и память нисколько не уступали моим, и это очень раздражало мою наработанную дисциплину. И вот двое инфантильных, каждый по-своему, почти уже старика, сидят и выпускают густой синий дым в чистейшее синее небо.

- Чёрт его знает что с ними и где они шляются. Не объявлялись с той ночи когда я книги спас. Как отрезало.

- Досадно. А как, хотя бы, книги? Приносят всё то же умиротворение когда возвращаются к жизни? Всех уже воскресил?

- Ну почти, как раз растворил их сегодня на рыночной площади. Осталось пару штук - руки занять, а там может новых где-нибудь раздобуду пока библиотека простаивает.

- Какая-никакая замена твоим снам. Пока не из чего склеивать свои воспоминания - потренируешься на чужих печатных вымыслах. В этом ведь и причина, верно? Начинают сниться автобиографические видения, ходишь как ошарашенный, и вдруг хватаешься за это старьё и начинаешь корпеть над ним. Раньше то я такой любви к развалинам в тебе не примечал, ну, окромя той что в зеркале отражается. Но ты наверняка всё это уже передумал.

- Нет, как ни странно... - Сказал я задумавшись - Даже в голову не приходило. Списал это на очередную новую привычку, вроде побочной, оттого что жизнь прекращать начал.

- Хм... Для человека, который зарабатывает проведением параллелей, ты довольно-таки плох.

- Без тебя знаю - Усмехнулся я.

- Ладно, есть у меня кое-что от твоего смурного лица...

Он полез в карман и достал аккуратно сложенный листок.

- Сам я снами не слишком интересуюсь, да и почти их не вижу. Хотя вот пара моих знакомых с Американского НИИ, кстати, говорят что вижу каждую ночь, вот только не запоминаю. Они мне с этим и помогли - он многозначительно постучал пожелтевшим от сигары указательным пальцем по листку - Они мне презанятную табличку состряпали по фазам сна, мол если просыпаешься в определённые отрезки времени - сон свой вероятнее запомнишь. Я больше скажу - разные отрезки сна ещё и охватывают разные хронометрические отрезки. Думал даже маркером отметить те что самые затхлые архивы перелопачивают, да вспомнил, что ты всё таки не настолько глуп - уж пади разберешься. Там же, на обратной стороне несколько любопытных советов, на вещи там старые пялиться перед сном и всё в этом духе. В общем ничего сложного. Думал даже по памяти тебе эту таблицу передать, сомневаюсь что уж прямо по минутам во сне переключатель работает, да вот вспомнил, что тебя твоя "точность везде и во всём" похлеще твоих одноразовых избранниц заводит, проказник ты престарелый... Вот же дожили - - они там целый НИИ отгрохали чтобы мультики ночные изучать на гос. бюджет! Куда катится наука...

- Куда она, на твой взгляд, катится, туда и ты катись - Рассмеялся я - А ребята делом заняты. Без снов знаешь сколько бы произведений не случилось? Да твой Менделеев таблицу во сне составил, а ты без его сна улицы бы мёл.

- А может я бы и сам составил, и вполне себе наяву? - Со смехом предложил мой самовиннодовольный собеседник.

- Ты наяву и мою таблицу записать чуть не поленился в десять ячеек, куда там...

- Виновен: ленью грешу, но уж на это нашёл бы силы. А кстати, в тебе то они откуда? Бегаешь по своим подружкам, застрявшим в возрастном диапазоне скорее между дочерьми и внуками. Не находишь, что это ДонЖуанство в сочетании с твоей седеющей башкой выглядит уже как-то до забавного жалко?

- Ого! Многосложными предложениями заговорили! Смотрю протрезвел уже на свежем воздухе - Улыбнулся я - Ну пожалуй что ты и прав, да какая там серьёзность с этими дочко-внуками. Вот рассудительная, умудрённая годами женщина, вдобавок вполне сохранившая свою красоту - это чистое золото. Да сдаётся мне я не тот рудник разрабатываю. Хотя есть одна на примете: вы там как с Анной, ещё не разводитесь?

- И не мечтай, Miststuk. Я, может быть, не из первых атлетов, и совершенно точно сейчас еле стою на ногах, но вот хвоц вроде тебя Анне только на ожерелье сгодится. Продолжишь, кстати, болтать - из тебя и сплету.

- Ну, не горячись.

Мы улыбнулись друг другу. С минуту помолчали смотря на небо, хватая последние тихие секунды.

- Правда, спасибо тебе большое. Я почему-то ни с кем не могу про это говорить кроме тебя, равно как не могу об этом молчать.

Он передал мне листок.

- На вот, пока не перепились и не забыли. И брось ты своё "спасибо" - друзей не выбирают. И раз уж моему вздумалось по ночам бегать за ветряными мельницами - меньшее, что я могу для него сделать - дать копьё.

- На жирное не налегай. Если инфаркт тебя всё же нагонит- ума не приложу, что буду без тебя делать...

- Ну хоть про жену в этот раз не пошутил, и на том спасибо. Ладно, пойдём к столу, пока лобызаться не начали.

Мы пили вино, ели лёгкие салаты из фруктов, шутили и болтали на самые несерьёзные темы какие только можно придумать. Детям похоже понравилось моё яблочное выступление, и они порешили съесть мой гостинец под бой курантов, загадав в какой области их должно теперь "осенить". При этом они настояли, чтобы и взрослые причастились идейными плодами, дабы на вручение премий мы непременно пришли всей оравой. Как тут откажешь.

Я откусил, и лицо моё, вторя яблоку, начало краснеть: тоже мне, подарочек - яблоко напоминало скорее сырой незрелый батат, и хотя такими деликатесами я и не баловался - подзреваю, что даже у него вкус выразительнее. Когда я продекламировал что-то про символизм, и что яркость идеи никак не померкнет от блёклости вкуса, дети недоумённо посмеивались, а их отец объявил, что моему бокалу неплохо бы проветриться. Я шёпотом извинился за то, что принёс, да ещё так анонсировал эти дрянные безвкусные яблоки, на что Хуан ответил что если тут кто и лишён вкуса так это я со своими бежевыми парусами на ногах, а яблоки вполне себе ничего. Я тогда сослался на терпкое вино и непривычную для моих рецепторов сигару, но на всякий случай справился у Анны, которая, присовокупив свою любезность и счастливо уплетающие мои яблоки детские лица, сказала что яблоки просто чудесны. Изрядно выпивший химик с игривым характером и мать, умилённая своими детьми конечно не самое беспристрастное жюри, но в тот раз их оценкой я удовлетворился.

Когда я наконец добрался до дома и блаженно рухнул в кровать, моё падение, как ни странно, кроватью и ограничилось. Я не полетел глубже, в ту бездонную пропасть без мыслей и снов, куда дюжина бокалов вина, тем более налитых щедрой рукою Хуана а не утончённой кистью трепетного сомелье, обычно тебя увлакивают.

Наши ли разговоры о природе моих снов, будильник, который я чудом не забыл выставить, тем же чудом верно согласовавшись с таблицей, или же просто счастливый случай - так или иначе той ночью я видел сон. Нужный сон...

Мне снился мой друг - Ганс. Его образ до этого сна был настолько смутным, что я даже не вполне был уверен насчёт его имени, однако теперь я вспомнил его целиком, и вспомнил в точности. Обычно сны не дают достоверной картины, сочетая несочетаемое, переворачивая всё с ног на голову в своём иллюзорном отражении, да ещё умудряются поддерживать, по крайней мере до переосмысления наяву, ощущение подлинности происходящего. Но только не мои.... Не Эти сны.

Мы познакомились с Гансом в самом раннем детстве, задолго ещё до школьной скамьи, которую делили до самого моего отъезда. Его семья квартировала через два дома вверх по улице, и вот летним, судя по цветку, вечером, пока я ждал мать у входа в овощной магазин, мне случилось заметить упомянутый цветок в настенном горшке и он сразу привлёк моё внимание. Цветок был ярко-фиолетового цвета, который сейчас почему-то принято называть космическим, и резко выделялся на фоне пастельных, отеплённых погожим днём оттенков улицы. Я подбежал к нему и с жадностью начал разглядывать, понюхал и наконец решившись потрогать потянулся к его лепесткам.

- Он мой.

Будь то голос взрослого я непременно бы испугался, начал оправдываться, а может и вовсе бы убежал, но это был голос ребёнка. Голос звучал несколько старше моих сверстников. Я повернулся и с удивлением посмотрел на бледного мальчика, не в пример цветку незаметного. Я явно не вызвал у него ответного интереса, поскольку через пару секунд он снова уставился на цветок. Как-то странно причём уставился, будто смотрел не "на" цветок, а прямо "в" цветок, в самую его сущность: он ни в коей мере не любовался, он изучал. Я же тем временем начал изучать его, напроочь оставив цветок - сейчас меня куда больше интересовало как в таком тщедушном теле умещается такая решимость и почти командирский, уверенный и твёрдый голос.

- Я первый его заметил.

Объяснился он, будто опомнившись, когда вдоволь насмотрелся на цветок. Говорил он всё тем же убедительным голосом, но немного смутившись лицом. Отчего то я сразу понял, что смущение это вызвано не намерением или сомнениями в его правах на собственность, а скорее грубостью обхождения. И я не спорил насчёт первенства. Я бы и за год не обнаружил его присутствия, не подай он голос. Я кивнул и одобрительно указал ладошкой на горшок, давая понять что не возражаю. Тогда он деловито извлёк из кармашка брюк ножницы и уверенно потянул их к цветку, свободной рукой отмеряя расстояние на стебле.

- Ганс!

Ганс угрюмо обернулся, ещё не убрав руки со стебля, но от этого крика его хватка заметно ослабла.

-Ганс! я что говорила насчёт городской флоры? И так уже три альбома забил своими находками, теперь и на чужое позарился!

Я сразу угадал в этой женщине его мать: для рассуждений о несопоставимости его зала-танной рубашки с гувернанткой или прислугой я был ещё слишком мал, и дело было не в столь явном внешнем их сходстве. Дело было в выражении сказанного. В той главенствующей над раздражением заботе, адресованной явно не сохранности цветка. Заботе, которую я так часто слышал и сам, чрезмерно вовлекшись в очередную свою проделку.

- Сумка-то для продуктов, а придётся тебя в ней таскать, а то ведь с тобой и моргнуть в основном опасаясь. Ещё и ножницы стащил! Карманы научись зашивать - тащи сколько влезет. Идём!

Мальчик медленно сунул в карман ножницы, выкроив себе пару секунд чтобы кинуть цветку взгляд в духе "мы ещё встретимся", неохотно протянул матери свободную руку, видимо не впервые оказываясь в такой ситуации, и поплёлся за ней, не оказывая ни содействия, ни сопротивления. Про меня он совершенно забыл. Я уже знал, что не увижу стыдливого, ищущего сочувствия взгляда, который всегда наблюдал у сверстников в этом бедственном положении, но рассчитывал хоть на какое-то внимание и удостоверившись, что просчитался, выкрикнул:

- Я Курт!

Он резко остановился, и его мать при этом чуть не вывернула руку, подобно витавшему в своих мыслях владельцу крупной овчарки, которой случилось внезапно и твёрдо прервать свой ход. Пару секунд он раздумывал, и когда грустное извиняющееся лицо его матери уже почти разродилось объяснениями он повернулся и констатировал:

- Я Ганс.

- Мы теперь и с людьми разговариваем? Да что это с тобой сегодня... Ну оно, вроде, и к лучшему, но достану-ка я шубы как мы вернёмся на всякий такой случай, коль...

Две болезненные тощие фигуры удалились под это удивлённое бормотание, и когда я почти потерял их из виду, рука матери окончательно сбила мой фокус.

- Какой необычный цветок! - Воскликнула она - А ты отвернулся весь! Что же там такого интересного?

- Я проголодался, идём готовить?

Как-то странно солгал: без всякой цели, ненамеренно... После ужина я лежал в своей комнате и раздумывал чем же меня так озадачила эта встреча. Я нередко гулял с соседскими ребятами во дворе, мы бегали в салки, прятались, когда всё шло особенно удачно - могли по слаженному сценарию отвлечь продавца и стащить пару конфет в какой-нибудь лавке подальше от дома, наученные горьким опытом, надолго прервавшим наши уличные схождения - всегда всё одно и то же. И я любил это "одно и то же" - в детстве любые забавы ещё не обязаны так быстро исчерпывать интерес... Но тут было что-то другое. Не могу понять что именно - от этого ещё интереснее.

На другой день я как обычно спросился поиграть с ребятами, но сразу отклонился от привычного маршрута и с облегчением обнаружив пустоту в своих окнах побежал напрямик к овощной лавке. Я обрадовался, ещё издали не обнаружив во вчерашнем горшке ничего примечательного, и найдя аккуратный срез на месте цветка подумал куда бы я сам направился с добычей. Хорошо скрытая кустами лавочка в двух домах от места преступления также не обманула моих ожиданий: в той же с нетерпением ждущей свою отставку рубашке, в молчаливом раздумье и с новёхонькой толстенной книгой в коричневой кожаной обложке сидел Ганс, покручивая ножницами. На этот раз я сразу привлёк его внимание - думается сказала преступная настороженность хорошо спланировавшего всё злоумышленника.

- Мы, кажется, договорились по поводу...

- Я помню, ты первый заметил. Уговор есть уговор - мне отец так всегда говорит. Будь спокоен.

Он кивнул. И, кажется, улыбнулся. Я подошёл ближе и с любопытством спросил:

- На что он тебе?

Мальчик жестом пригласил меня сесть по ту сторону книги, и когда я уселся положил на неё руку.

- Гербарий. Знаешь, что это?

- Нет, но кажется я понимаю. Цветок там?

- Позже. Сейчас он страницы соком угваздает... Просохнет под книгой потяжелее - и туда. Сейчас в кармане. Я его в платок обернул.

- В том кармане, куда ножницы вчера сунул? Карман то не дырявый будет? Жаль цветок выронить.

- Проверил, не дурак - Огрызнулся коллекционер, но тут же смягчился. - Ты, я вижу, тоже. Это хорошо, это редко. Как ты меня нашёл?

- Я подумал, куда бы скрылся, если бы что-то украл, тем более такое заметное. Места я все знаю, а то мы иногда...

- Нашёл кражу... Мне отец сказал, что таких цветков пруд пруди, просто их на улицу не вывешивают - они комнатные. Вот этот - Он открыл свой кожаный калейдоскоп, объёмом и обивкой скорее напоминающий саквояж - Этот пожалуй, и украл. Очень редкий. Там семья чемоданы собирала и его на улицу вынесла. Большая удача - его едва встретишь.

- Мне казалось родители у тебя возражают такой добыче.

- То мать, вечно переживает про всё на свете. С отцом такие дела на раз-два.

- Понимаю, у меня так же. Я только цветы не ворую - это тебе не конфеты. На цветы я просто смотрю.

- Не так смотришь - Ухмыльнулся он. Так и началась наша дружба.

Проснулся я со странным ощущением, которое не покидало меня до тех пор пока последний фрагмент сна не был перекодирован на плёнку: я никак не мог понять, что из продиктованного мной было сном, а что попутно пробудившимся воспоминанием. Слишком детально. Слишком последовательно. А кроме того - запах цветка всё ещё маячил в голове. Я впервые за всю жизнь задумался бывают ли во снах запахи и никак не мог найти в своей памяти похожего случая. Выходит, цветок - воспоминание? Выходит и наша встреча...

Через пять минут тщетных попыток в коробке "Memoria" фиолетовый цветок терпеливо ждал для себя компании. Коробка "Somnium" всё ещё оставалась пустой. А над ними я, сидящий сметённый дурак, перебираю воспоминания, маятником качаю руку с каждым из них не решаясь разжать наконец кисти. Тут ещё головная боль подоспела, вытесняя остатки приятных утренних впечатлений. Тут уж я всерьёз разозлился: Это - не трогать.

- А ну к чёрту, кретин старый! Тебе какая разница что сон, что не сон? - Взревел я на соседнюю стену. Сейчас я был рад, что живу один. Боль тут же утекла в поисках более ужив-

чивого вместилища, и мысли стали яснее: я ведь и так доверяю таким снам, безоговорочно доверяю, что же их тогда отличает от памяти? Цветок, видишь ли, запах! Да пускай и пахнет... Тоже мне - золушка предпенсионная, перебирает сидит - этак к полуночи не карета в тыкву обратится.

Сравнение с золушкой заметно улучшило настроение, а ещё напомнило о человеке, который бы опередил меня в этой мысли. А позвоню-ка ему!

Угнетённый и злой голос на том конце трубки чувственно, с долгими паузами отчеканил:

- Имей каждое из моих девяти имён рот - он бы сейчас посылал вас нахер. Если звоните по делу - звоните зря. Дела наши этим звонком и закончились, а по сему...

- Да погоди ты - Мёд для ушей - Уже небось трубку бы кинул.

- Ну, кто же ещё... У меня голова на атомы распадается, а тут и дирижёр подоспел. Хорошенькое начало года. А ведь это ты и виноват! Принёс чёрти что из своего баррика вчера! На моих запасах я ни в жизнь бы в такое похмелье не въехал.

- Может дело в том, что ты сам уже походил на баррик под венец вечера?

- Не остри коль не умеешь. Чего тебе, кстати?

- Твоя таблица - это потрясающе! Как часы и сквозь вино. Я видел сон! И...

- И мне жаль что бог лунатизмом не наградил - пришёл бы в твой сон да нагадил как следует. Ты в самом деле за этим звонишь?

- Ещё бы! Нам бы его, её... Нам есть, что обсудить.

- Я сейчас с семьёй на побережье, дней на десять. И клянусь богом - увижу там твою скверную рожу - в Атлантическом океане прибавится Ихтиандров.

- А после?

- А после я на посту. Дел у меня меньше не стало, я всё ещё единственный годный химик на всю страну.

- Просто остальные в США подались, а ты вцепился в своё имение.

- Первым из множества дел сварю кислоты - в лицо тебе брызнуть. Ладно, после двенадцатого заходи ко мне в кабинет. Там уже я подостыну. Ну или ты наконец зачухнешь и остынешь совсем. В любом случае разговор выйдет приятнее этого.

Он бросил трубку.

То что нужно! Всё раздражение как рукой сняло. Я было принялся за гимнастику, но быстро оставил это дело: во-первых - остатки вина в крови полностью растворили мою координацию, и выглядел я весьма жалко, скорее как аэрмэн при переменчивом порывистом ветре. Во-вторых - обычно за этим занятием я старался выудить ускользнувшие частицы сна из омута памяти, но сегодня это никак не шло - я чувствовал, что вытянул все при пробуждении удивительно крепко сплетённую сеть. По сему я больше не видел смысла кривляться на потеху соседям и решил насладиться чашечкой бразильского кофе. Люблю бразильский кофе. Я и сам, можно сказать, бразильский кофе: нравлюсь всегда и всем, объективно - хорош, но в общем то абсолютно не примечателен. Устойчивое качество без претензий на оригинальность. Это бывает, и это в общем-то вполне неплохо. Кофе я закусил хамоном и позавчерашним твёрдым сыром, и предвидя последствия такого завтрака набрал полную бутылку ледяной воды, бросил в сумку и отправился прогуляться.

Погода особенно мне благоволила сегодня. Дул свежий ветер и пасмурное затянутое облаками небо не позволяло мне самому обратиться хамоном. К тому же день поразительно напоминал тот в который я нашёл Ганса сидящим на лавке, и если себя я идентифицировал как бразильский кофе, то моё воображение напоминало скорее старенький немецкий телевизор - каналов не много, зато вещает исправно, особенно при крепких визуальных стимулах. Руководствуясь этим я направился в Бельграно, так сказать "подкрепиться немецким". Услышать родной язык, распробовать кухню и всего важнее - я знал, что найду там по крайней мере несколько подходящих домов, и даже надеялся встретить похожую лавочку. С лавочкой не слу-

чилося, зато в остальном этот район превзошёл все мои ожидания: я бродил по тем немногим переулкам, где стояли те самые дома пастельных тонов, смотрел на чопорную прямую походку жителей, хотя стоит признать, уже немного расслабленную и распоясавшуюся местным климатом, слушал знакомые отрывистые разговоры и с невероятной точностью визуализировал свой сон, до мельчайшей детали, с каждой секундой всё больше приближаясь к эталону из своих недавних грёз и истово наслаждаясь процессом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.